

Mark Aldanovs Werk. München, 1996; Russische Literatur des 20. Jahrhunderts. Beiträge zu Aldanov, Annenskij, Brjusov, Gumilev, Moršen, Muratov, Nabokov, Osorgin. München, 1999. *Редактирование, составление и подготовка к печати. Иванов Г.* Собр. стихотворений. Würzburg, 1975. — Совм. с М. Далтон.

**Статьи.** Гумилев-драматург // Гумилев Н. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Вашингтон, 1966; Н. Ульянов — эссеист и ученый // Новый ж-л. Нью-Йорк, 1975. № 119.

**Библиография, архивы.** Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1920—1980: Сводный указ. ст. Paris, 1988. С. 443.

**Литература.** Вегнер М. Фальсификация истории русской литературы в трудах В. Сечкарева // Рус. лит-ра. 1961. № 2; Фришман Л. Западные исследователи Баратынского // Вопр. лит-ры. 1964. № 2; Григорьев А.Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977 (по именному указ.); Виссон Л. [Некролог] // Новый ж-л. Нью-Йорк, 1999. № 214; Kasack W. Vsevolod Setchkareff (1914—1998) // Zeitschrift für slawische Philologie 1999. Bd. 58 (см. в пер. на рус. язык: Новый ж-л. Нью-Йорк, 1999. № 217); Vsevolod Setchkarev: Memorial Minute // Harvard Gazette. 2000. May 18 (имеется отдельный оттиск); Setchkarev Margaret D. Vsevolod Mikhailovich Setchkarev: A Short Biography. München, 2014 (см. также рец.: Wachtel M. — // The Slavonic and East European Journal. 2015. Vol. 59. № 2); Виссон Л. В.М. Сечкарев: К 100-летию ученого // Новый ж-л. Нью-Йорк, 2014. № 274.

Н.А. Богомолов

## В книжном углу — 19

Время от времени просматривая мало кем замечаемую газету «Литературная Россия», я стал цепляться взглядом за обширные и часто появляющиеся статьи ее главного редактора Вячеслава Огрызко. Вдруг среди обычного для этого издания потока пустых слов оказывался какой-нибудь документ, который можно было куда-то приспособить. А как-то на книжной ярмарке я приобрел сразу три его книги<sup>1</sup>, благо стоили они всего по сто рублей — видно, особенным спросом не пользовались.

Принес — и не разочаровался. Оказалось, что это своеобразная параллель к библиографическому словарю «Русские литературоведы XX века», который уже обсуждался на страницах «Нового литературного обозрения» (№ 154, отзывы А.С. Федотова и А.И. Рейтблата). Даже остановились книги В. Огрызко

1 Огрызко В. А судьи кто?!: русские критики и литературоведы XX века: судьбы и книги. М.: Литературная Россия, 2016. 720 с. 1000 экз.; Он же. Создатели литературных репутаций: русские критики и литературоведы XX века: судьбы и книги. М.: Литературная Россия, 2017. 704 с. 1000 экз.; Он же. Ценители и ниспровергатели писателей: русские критики и литературоведы XX века: судьбы и книги. М.: Литературная Россия, 2017. 704 с. 1000 экз.

почти на том же самом месте, что и коллективный словарь — тот дошел до буквы Л, издания «Литературной России» — до М.

Не вдаваясь в спор, как оценивать словарь, хотел бы отметить, что сам замысел и его исполнение (пусть даже частичное) представляют значительный интерес для тех, кто внимательно следит за движением своей науки. То же самое нужно сказать и о томах, представленных В. Огрызко. К ним я присоединю еще его книгу «Советский литературный генералитет: Судьбы и книги»<sup>2</sup> и попытаюсь показать, чем они интересны.

Прежде всего тем, что извлекают из забвения или полузабвения многих авторитетных для своего времени, но ныне практически забытых критиков, литературоведов, а также администраторов литературы. Перечислять их нет смысла, назовем только некоторых: С. Алексеев, И. Альтман, Г. Анджапаридзе, М. Аплетин, Н. Атаров, Н. Бабушкин, Л. Баландин, Н. Банк, С. Баранов, Е. Бельский, А. Беляев, Б. Беляев, С. Бобков, В. Боборыкин, А. Болотников, Г. Бровман — и это только на две первые буквы алфавита. Есть люди очень достойные, как Наталья Банк, есть те, что не вызывают никаких симпатий, как М. Аплетин. Есть известные в свое время, как Г. Бровман или И. Альтман, а есть и тогда вполне маргинальные в литературоведении и критике, как Б. Беляев или Е. Бельский. Есть большие начальники, как директор «Художественной литературы» Г. Анджапаридзе и редактор «Литературки» 1930-х гг. А. Болотников, а есть — никуда особенно не выбивавшиеся из общего ряда. Есть даже загадочный персонаж Сергей Бобков, о судьбе которого после 1991 г. сведений собрать не удалось, даты смерти в статье нет. А так как ему сейчас всего 71 год, вполне возможно, что он попал на страницы книги незаконно.

Но для историка литературы и литературного процесса советского времени биографические справки обо всех этих людях вполне могут понадобиться. Как только сходишь с протоптанных другими тропинок, обнаруживается, что судьбы твоих героев решали именно такие люди. Тот же М. Аплетин — секретарь революционной тройки одного из петроградских районов во время Кронштадтского восстания, видный руководитель работников просвещения, был в верхах Профинтерна, зам. председателя ВОКС, секретарь МОРП, с 1936 г. до выхода на пенсию — в разных должностях иностранной комиссии Союза писателей. Трудно удержаться, чтобы не процитировать из очерка Ю. Оклянского о фотографиях в его кабинете: «Кого тут только не было! Маяковский, А. Толстой, Ромен Роллан, Брехт, Вайнерт, Бехер, Бредель, Жоржи Амаду, Чаттопадхай, Федин, Павленко...

— Вот все мои друзья! <...> Причем настоящие. <...> Только от Романа Роллана у меня тут <...> двадцать восемь личных писем» (Советский литературный генералитет, с. 122).

Остановимся на этом, хотя подобных историй можно найти много. Скажем только о том, что В. Огрызко использовал те фонды РГАЛИ, которыми обычно пренебрегают, поработал и в других архивах (не без сложностей, о чем он широко оповещал читателей своей газеты), кое-где есть явно личные воспоминания; кроме того, он не обходит печальных сторон жизни того или иного человека. Ну вот, например, в главе о В. Кожинове приводится фрагмент из рассказа Вс. Сахарова, а вывод делается такой: «Сахаров <...> намекал на то, что Кожинов наверняка имел тесные связи с Лубянкой. Похоже, эта версия не

2 Огрызко В. Советский литературный генералитет: судьбы и книги. М.: Литературная Россия, 2018. 904 с. 1000 экз.

лишена основания, особенно если вспомнить, где в 1920—1930-е годы служил его родной дядя С.В. Пузицкий, разрабатывавший операции по захватам Савинкова и Кутепова» (Ценители и ниспровергатели писателей. с. 31). Там же цитируется С. Куняев, рассказывающий о запахах Кожина, фиксируется шутка, которая гуляла «по литературной Москве» (желающие прочтут ее на с. 29), пересказываются запутанные истории, связанные с «Нашим современником», и т.д. То есть книги В. Огрызко сохраняют не только память о разных людях, но и воспроизводят то, что обычно остается в дневниках и письмах, а то и вообще растворяется в воздухе эпохи.

Но вместе со всем этим невозможно не сказать, что книги В. Огрызко далеко не безупречны и видеть в них идеальный источник было бы опрометчиво.

Прежде всего это касается странной манеры придумать или подобрать звонкое название, а потом подумать, насколько оно подходит к человеку. Начинается это с обложек. На переплете первой — Бахтин, Бухарин и Воронский, а называется она, напомним, грибоедовской цитатой: «А судьи кто?!» Ну ладно, Бухарина можно признать несправедливым большевистским судьей (хотя за доклад на Первом съезде писателей ему должно многое проститься), но при чем тут Воронский и тем более Бахтин? Вторая книга названа «Ценители и ниспровергатели писателей», и Кожин, да и Лакшин здесь вполне уместны. Но вот Лихачев и тем более Лосев никак не могут быть названы ни ценителями, ни ниспровергателями.

То же — названия статей. Как вы думаете, о ком текст под названием «Я у мамы дурочка»? Те, что постарше, вспомнят, что так называлась прическа 1960-х гг., потом начнут вспоминать, кто же такую носил, — и окажутся в дураках, потому что имеется в виду Г.А. Белая. Шутка это такая! В самом тексте будет объяснено, что так она называла тактический ход, применявшийся при беседах с представителями госбезопасности. Но сделать эти слова названием — оскорбительно. Отвратительно названа глава о Федоре Абрамове: «Смершевец в роли обличителя космополитов». Да, мы знаем, что он служил в Смерше и отметился в погроме 1949 г., но разве этим вошел в русскую культуру замечательный писатель Абрамов? Зато И. Машбиц-Веров — «Не утративший веру в идеалы», А. Гулыга — «Лучший знаток Кафки» (хотя совсем не этим он останется в истории литературы). Особенно полюбились для названия слова, связанные с пьянством: «Пропивший после реабилитации чужие партвзносы», «Погоревший на комсомольской пьянке», «Пошли пьянки, безделье, паразитизм», «Обожавший даровую водку», «Подписавший по пьяни протест против “Нового мира”» (особенно этим знаком помечены люди из «генералитета»). Продолжать можно долго, но не хочется.

Любой справочник начинается со словника. Кого включать, а кого нет? Сколько места отводить тем, кто признается для данного издания главным, а сколько — для второстепенных? Кажется, такие вопросы для В. Огрызко не существовали. Главным героем всех трех книг является А.Л. Дымшиц: в «Создателях литературных репутаций» он получил 46 страниц. Тому же В. Кожину отводится 33 страницы, а Бахтину — 20, хотя фигуры эти несопоставимы. А Н.М. Бахтина нет вовсе. И Г. Адамовича, крупнейшего критика русской эмиграции, нет. Вообще эмиграции, особенно первой и второй ее волнам) у В. Огрызко не повезло. Из ее литературоведов и критиков находим только Ю.И. Айхенвальда и К.В. Мочульского (это если не считать таких представителей третьей эмиграции, как А. Белинков, Р. Зернова, Л. Копелев, Л. Левицкий, С. Бабеньше-

ва) да Иванова-Разумника. А где же Е.В. Аничков, Н.А. Бердяев, П.М. Бицилли, В.В. Вейдле, И.Н. Голенищев-Кутузов, М.Л. Гофман, Ю.П. Иваск, Н.К. Кульман? А из второй эмиграции хотя бы Вера Александрова и В.Ф. Марков? Нет ответа.

Второе, что необходимо проверить, говоря об изданиях такого рода, — источниковедческую базу. Выше я уже похвалил автора за то, что он пользуется архивным материалом, причем зачастую не самым заметным и популярным. Так, в статье про Кожина целых четыре страницы отведено цитированию рекомендаций в Союз писателей, которые он получал от В. Шкловского, Б. Слуцкого, Вит. Озерова, Б. Сучкова, а также выступлению С. Макашина на заседании. И в других статьях материалы этого фонда и его 39-й описи часто цитируются. Отлично! Но как-то хотелось бы не только документов приемной комиссии. Серьезно проработан фонд А.Л. Дымшица. А другие? А фонды литературных журналов и газет? А материалы из других архивов — ЦГИАМ, например? А партийные архивы? Снова нет ответа.

Автор часто цитирует, и большими кусками цитирует различные материалы, никак не обозначая, откуда они взяты. Поэтому далеко не всегда понятно, какие группы материалов он использовал, а какие — нет. Так, мне показалось (приношу свои извинения, если не так), что лишь в очень малой степени он использует известные сборники издательства РОССПЭН «Власть и художественная интеллигенция» и т.п. Или если использует, то как-то стыдливо.

Например, в статье о Ф.М. Головенченко цитируется его (совместная с Д.Т. Шепиловым) записка на имя Сталина со ссылкой на архив. Но она уже была опубликована за 10 лет до выхода книги Огрызко<sup>3</sup>. Там же напечатана и докладная записка Шепилова Жданову с характеристикой Головенченко (на с. 181—182). Там же — докладная записка А. Маслина и В. Вагина о беседе с некоей А. Бегичевой, пришедшей с доносом на Е.И. Ковальчик, а также записка МГБ о результатах ее проверки<sup>4</sup>.

Что уж говорить о материалах, напечатанных в местах не столь очевидных. Вот, например, статья о Н. Ильиной (Создатели литературных репутаций, с. 574—577). В духе книги она названа «Приставленная к Ахматовой», и в ней заявлено: «Попробуем разобраться, что правда, а где мифы». Дальше цитируется ее «небольшая автобиография», причем никакие факты, ей сообщенные, не проверяются, а просто заявлено: «Великая поэтесса считала, что писательница была к ней приставлена спецслужбами». Под конец цитируется дневник В. Лакшина, где говорится совсем другое: «Все уверены, что Ильина — стучит. А она просто слишком простодушна в своем тщеславии. Ей всегда хочется быть рядом с кем-то значительным: то с Ахматовой, то с Чуковским, то с АТ [Твардовским]». Так все-таки приставлена или нет?

Тут бы автору самое время сослаться на много раз повторенное открытое письмо Ю. Крузенштерн-Петерец к Ильиной с обвинениями в связях с советскими спецслужбами<sup>5</sup>. Независимо от того, поверим мы этому письму или нет, в справочном издании на него должна быть ссылка. Да, впрочем, и о фельето-

3 См.: Сталин и космополитизм: документы Агитпропа ЦК КПСС 1945—1952. М., 2005. С. 263—264.

4 Ср.: Создатели литературных репутаций. С. 699; Сталин и космополитизм. С. 256—157.

5 См.: Русская мысль. 1957. № 1120. 12 окт.; Штейн Э. Китайские тени Валерия Перелешина // Новый журнал. 1991. № 194/195. С. 621—628; Герра Р. Репатрианты. Странная судьба «возвращенки» Наталии Ильиной // Русский мир: пространство и время русской культуры. 2010. № 3. С. 127—135.

нах Ильиной недурно было бы сказать, а то реакция на них Грибачева и Суркова описана, а сами эти фельетоны не названы.

Пренебрежение источниками иногда приводит к смешным случаям. Некоторые материалы из «трехтомия» повторяются в «Советском литературном генералитете». Это можно понять. Но иногда это совсем не повторения. Статья о том же Ф. Головенченко в «Создателях литературных репутаций» скорее негативная. Но в книге о начальниках литературы вектор статьи значительно переменялся. И причины этого, кажется, просты: отыскиались воспоминания Н.М. Любимова и Вл.А. Ковалева, где о Головенченко говорится с симпатией, вот и пришлось писать другой вариант его биографии.

Конечно, тщательную проверку всех статей я делать не собираюсь, но приведу один пример. Почти двадцать лет я проработал на одной кафедре с А.Г. Бочаровым. Сначала он был заведующим кафедрой, принимал меня на работу, многому учил из того, чего мы не понимали на филфаке. Потом он уступил мне свое место, и последние годы его жизни мне пришлось делать вид, что я руковожу его деятельностью. В книге «А судьи кто?!» его жизни уделено три с небольшим страницы, из которых одна полностью занята его выступлением в «Литературной газете» против ее редактора Вс. Кочетова, что закончилось, естественно, изгнанием. Впрочем, история эта рассказана Л. Лазаревым, которого В. Огрызко обильно цитирует. Греха в этом, конечно, нет. Но было бы хорошо, чтобы на оставшихся двух страничках было объективно и точно рассказано о достойном человеке.

Почему-то о большинстве своих героев В. Огрызко рассказывает, из какой они семьи происходили. О Бочарове — нет, хотя эти сведения найти нетрудно. Наверно, можно было бы сказать, что в войну Бочаров получал награды: медаль «За отвагу», ордена Красной звезды и Отечественной войны.

Или, например, фраза: «После демобилизации Бочаров поступил на филологический факультет МГУ» (с. 418). Вроде бы и не придерешься, если забыть, что на самом деле Бочаров еще в 1941 г. окончил первый курс литфака МИФЛИ. А школа ИФЛИ была особой, и забывать ее не следует.

Упреком звучат слова: «...как исследователь бывший фронтовик во всем следовал партийным установкам». Ну, во-первых, фронтовиком он был действительно бывшим, а здесь оказался в роли ученика, задача которого — не только овладеть языком науки, но и попасть в мейнстрим своего времени. А во-вторых, и это главное, мне и другим не раз приходилось слышать от него негромкие, но веские слова покаяния за те поступки, которые ему приходилось совершать на партийных и комсомольских постах в конце 1940-х и начале 1950-х. Но при этом он не рвался в «первые ученики», что отразилось на его судьбе: вместо университетской кафедры он оказался в редакции «Литературной газеты». О причине этого я недавно написал в статье о событиях 1949 г. на филфаке<sup>6</sup>.

За этим следует рассказ о конфликте с Кочетовым, завершающийся фразой: «Потом основной площадкой для Бочарова на несколько лет стал журнал “Дружба народов”» (с. 419). Понять ее можно по-разному: «он перешел в журнал “Дружба народов”», «он ушел на вольные хлеба и стал печататься в “Дружбе народов”», «он поменял место работы». Верно последнее. Человека статуса Бочарова (член КПСС, фронтовик, выпускник МГУ, кандидат наук) должны

6 См.: Богомолов Н.А. «Но строк постыдных не смываю...»: 1949 год в жизни И.Н. Розанова // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 303—340.

были куда-то устроить. И устроили — в журнал «Советский Союз». Вряд ли его кто-то помнит. Это был такой аналог еще встречающегося в киосках журнала «Корея», только сделанный профессиональнее. Редактировал его знаменитый «автоматчик партии» Н.М. Грибачев, о котором в «Советском литературном генералитете» В. Огрызко не нашел добрых слов. Итогом совместной работы с ним стал тяжелый инфаркт у Бочарова. И тогда Я.Н. Засурский позвал его на факультет журналистики. С 1967 г. он работает на кафедре партийной и советской печати, становится доктором филологических наук (В. Огрызко неверно утверждает, что «по книге “Человек и война”» — книга вышла в 1973 г., а диссертацию он защитил в 1971-м), читает курс истории советской литературы.

Не буду спорить с общими оценками деятельности Бочарова, тут меня непременно упрекнут в предвзятости. Но невозможно было не сказать, как он сам оценивал итоги своего дела. Бочаров говорил прямо: «Испытываю горестную неудовлетворенность своим творчеством, а стало быть, и жизненным путем, поскольку не стал ни в критике, ни в преподавании фигурой достаточно заметной. Мои статьи и книги остались в прошлом времени, а теперь уже, по старости, я и не пишу, и не преподаю толком. И трудно утешаться тем, что то забвение, которое я ощущаю, предreshено участью критика, чьи интересы обращены к текущей литературной и жизненной проблематике, а не литературоведческим, фундаментально-долговечным вопросам». Это цитата из подробного ответа на многие вопросы, напечатанного уже посмертно<sup>7</sup>. Кажется, В. Огрызко не знает этого пронзительного документа. Не знает он и выпущенного на факультете журналистики «Списка печатных работ профессора А.Г. Бочарова (1922—1997)» (М., 1997).

И это только одна статья!

Обесценивают такие ляпы и недосмотры книги В. Огрызко? Я бы на этот вопрос ответил так: начинающему литературоведу читать их определенно вредно, потому что они приучают не соблюдать филологическую гигиену, но опытному исследователю заглядывать в них полезно.

Чтобы закончить, скажем, что за последние годы Вячеслав Огрызко выпустил еще три тома, основанные на документах<sup>8</sup>.

Двухтомник — попытка представить описанный в подзаголовке предмет через историю той газеты, которую В. Огрызко возглавляет. Надо честно признать, что сделано это неудачно, прежде всего потому, что «Литературная Россия» всегда была второстепенной по сравнению с «Литературкой». Основные бои гремели там, а здесь они как-то стушевывались, а если кто-нибудь пробовал высказаться всерьез, то никакого эффекта это не производило. Как современник значительной части литературного процесса этого времени, могу засвидетельствовать, что слов вроде: «А как сегодня “ЛитРоссия” им врезала!» — слышать не приходилось. К тому же сами определения — «охранители» и «либералы» — представляются в высшей степени неадекватными для характеристики эпохи 1960—1980-х гг.

7 См.: О себе и о времени (анкета литературоведов и критиков) // Вопросы литературы. 2000. № 3. С. 3—47.

8 Огрызко В. Охранители и либералы в затянувшемся поиске компромисса: историко-литературное исследование. М.: Литературная Россия, 2015. Кн. 1—2. 712 с., 696 с. 1000 экз.; Он же. Держусь на одной идеологии: Драматическая судьба советского критика Александра Дымшица как отражение литературных борений самого кровавого века. М.: Литературная Россия, 2017. 720 с. 1000 экз.

Значительно интереснее, живее и представляет больше существенных для истории литературы документов книга об А. Дымшице. Да и причастен он был к большому количеству характерных для эпохи дел. Одна эпопея с изданием Мандельштама чего стоит! Или полемика с Мих. Лифшицем. При этом далеко не всегда он стоял на стороне тех, кого мы привычно считаем его окружением, — Метченко, Овчаренко, Бушина и др. Так, он нередко поддерживал разного рода выступления Андрея Вознесенского, ненавидимого его соратниками. Разбор «Озы», письмо в поддержку спектакля Таганки «Берегите ваши лица», внутренние рецензии наглядно это демонстрируют. И «Один день Ивана Денисовича» он одобрил, что в конечном счете привело к уходу из «Октября». Какое-то время дружил с Е.Г. Эткиндоном, получал добрые отзывы от В.М. Жирмунского и П.Н. Беркова.

Вообще эта книга показывает, что литературная жизнь временами плохо увязывается с какими-то вырванными из контекста поступками. Я всегда знал, что ранние стихи В. Сосноры поддерживали Н. Асеев и Д. Лихачев, но что Дымшиц — это удивительно. Но множество писем, приведенных в книге, не дают оснований сомневаться. Мало того, очень выразительно письмо поэта критику от 25 января 1963 г.: «Что, если написать мне письмо в ЦК <...>. И написать в тоне — я рабочий, слесарь, меня регулярно печатает журнал “Октябрь” (поддерживает), учусь заочно (образец советского поэта) и т.д.» (с. 466). А «разорвал Дымшиц все отношения с Соснорой весной 1967 г. — после того, как поэт публично поддержал требования Солженицына об отмене цензуры и подверг критике действия властей в области литературы» (с. 474–475).

Но особенно отметился Дымшиц на поле доноительства — трудно иначе назвать его внутренние отзывы на некоторые издания. Вот, например, записка в ЦК на имя Д. Поликарпова о готовящемся втором томе «Краткой литературной энциклопедии»: «...макет II тома говорит о еще неизжитых симпатиях к наследию декадентства, о попытках сглаживания углов в оценках идеологически враждебных нам явлений. Так, например, в статье Гершензон об одном из активнейших идеологов декадентства говорится в тонах сугубо академических» (с. 600), и так далее. Из того же разряда — участие в комиссии, призванной дать экспертное заключение по делу Синявского и Даниэля. Показателен ее состав: вместе с В.В. Виноградовым и текстологом Е.И. Прохоровым в нее был включен совсем не специалист Ф.Г. Бирюков — и Дымшиц. Единственная причина, которая тут может прийти на ум, — его несомненная идеологическая выдержанность.

Впрочем, это упоминание делаю лишь попутно, книга сама по себе заслуживает серьезного разбора, прежде всего потому, что заваленный массивом неизданного материала автор далеко не всегда бывает в состоянии сделать адекватные выводы. Да этого и трудно требовать, если за четыре года вышло 7 томов его сочинений общим объемом более 5000 печатных страниц. Вряд ли при таком темпе было время остановиться и как следует подумать.

С огорчением следует отметить изрядное количество повторов и серьезных опечаток, сбивающих читателей с толку. Впрочем, имен редактора и корректора на книге нет, что печально. И вместе с тем, повторяю, заглядывать в эти книги будет бесполезно тем, кто занимается советской литературой 1940–1980-х гг.